

В. В. Лапаева¹

ВЫБОР МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Вставшая перед постсоциалистической Россией проблема выбора модели демократического государственного устройства — это, по сути дела, проблема цивилизационного самоопределения страны, связанная с поиском ее места в формирующейся системе глобальных отношений. В той или иной мере с этой проблемой сталкиваются сейчас самые разные страны и народы². Но для нашей страны самоидентификация в новом глобализирующемся мире совпала по времени с трудным (без преувеличения — судьбоносным) выбором пути постсоциалистического развития, центральным звеном которого является выбор модели демократического государственного устройства.

Главная задача в политической сфере, которая стояла перед новой российской властью в 1990-е годы, — найти стык либерализма и демократии в отношении собственности, власти, партий и так далее — решена не была. Наш либерализм оказался верхушечным, недемократическим, ориентированным на свободу для некоторых и выросшим на обмане народа. Между тем в современных условиях либерализм без демократии обречен на перерождение в авторитарный режим власти.

Именно отсутствие стыковки либерализма и демократии породило концепцию *управляемой демократии*, которая понадобилась для того, чтобы оправдать усиление авторитарных тенденций, неизбежное в ситуации, когда общество не просто догадывается, а уже твердо убеждено в несправедливости итогов постсоциалистической приватизации (о чем свидетельствуют результаты многочисленных опросов общественного мнения). Однако довольно скоро концепция «управляемой демократии», как бы признающая некоторую свою ущербность, сменилась агрессивной идеологией суверенной демократии, которая сделала суверенную самобытность «предметом своей гордости. Она объявила, что никакой настоящей демократии и не бывает. А наша, настоящая и обманная, — во-

все не переходное и временное явление, а, напротив, новое слово в социальной истории человечества...»³

Термин «суверенная демократия» с теоретико-правовой точки зрения представляет собой эклектичную словесную конструкцию, искусственно стыкующую принадлежность к разным категориальным рядам понятия *суверенитета* как верховенства и независимости государственной власти и *демократии* как формы правления, то есть способа организации и формирования этой власти⁴. Лукавство этой идеологии состоит в том, что ее авторы и сторонники, хорошо понимающие наличие существенных отличий сложившейся в стране формы правления от стандартов западной модели *либерально-правовой демократии*, маркируют самобытность отечественной «демократии» словом, обладающим большой притягательной силой.

Суть такой позиции состоит в оправдании авторитарного доминирования государства над обществом как самобытной особенности России, объективно обусловленной ее принадлежностью к евразийской цивилизации. Оппонировать подобным суждениям очень трудно, потому что они не только притупляют болезненность комплекса правовой неполноценности, но и как бы вписываются в правильную, на мой взгляд, стратегию перехода от политики так называемой «догоняющей модернизации» к выработке национальной модели модернизации, связанной с осознанием коренных национальных задач и поиском новых, прорывных путей их решения с учетом западного опыта, но на основе российской специфики⁵. Тем не менее ответственный подход требует признать, что если в условиях глобализации Россия (при всей своей специфике, с учетом этой специфики и с опорой на нее) не сумеет сделать выбор в пользу правовой демократии, она останется на обочине общецивилизационного развития.

Показательно, что сторонники концепции суверенной демократии говорят только о суверенитете государства,

³ Рогов К. Схватка между ненастоящими демократиями // Новая газета. 2008. 26–28 мая. С. 10.

⁴ Как справедливо отмечает С. А. Авакьян, «никакой особой связи государственного суверенитета и демократии не существует (в отличие от народного или национального суверенитетов). <...> Может быть, единственное толкование сочетания суверенитета и демократии — это правление народа посредством демократических институтов... тем самым государство становится защитником интересов народа, в том числе и на международной арене» (Авакьян С. А. Понятия «суверенитет» и «демократия» соединит воедино только подлинное народовластие // Российская газета. 2008. 28 окт.).

⁵ Там же. С. 178–179.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук.

² «Почти повсюду, — пишет известный американский исследователь С. Хантингтон, — люди вопрошают, переосмыслиют и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей» (Huntington S. Who are We? The Challenges to America's National Identities. N. Y., 2004. P. 12–13). Цит. по: Россия в глобализирующемся мире : мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. М., 2007. С. 172.

забывая более важное положение Конституции РФ о народном суверенитете. Между тем в конституциях подавляющего большинства демократических государств акцент сделан на признании народного суверенитета, потому что, согласно правовой концепции государства, государственный суверенитет — это лишь следствие народного суверенитета, уходящего своими корнями в право гражданина участвовать в управлении делами государства. Когда же понятие суверенной демократии связывают лишь с суверенитетом государства, то за этим, как верно подмечено, скрывается «попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его самоорганизации и превращения в гражданское общество, дабы оно не вздумало ему указывать»¹.

В предложенном В. Ю. Сурковым определении суверенной демократии как «образа политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости...»² акцент делается на фразе «*исключительно российской нацией*», на которую и приходится смысловая нагрузка эпитета «суверенная».

Эта фраза на первый взгляд звучит привлекательно для всех, кого не может не тревожить то обстоятельство, что «цветные революции», вспыхивающие по периметру российских границ, достаточно наглядно показали, что у Запада есть большие возможности для влияния на общественное мнение внутри молодых демократий и использования стандартов прав человека в качестве инструмента ограничения государственного суверенитета этих стран.

По этому поводу можно сказать следующее. Да, Запад действительно использует право как свое важнейшее достижение для давления на окружающий его мир (для чего уже создана целая система международных правоохранительных институтов, включающая суды и трибуналы). Но в то же время он ставит целью введение этого мира в правовые рамки. С точки зрения Запада в понимании демократии акцент должен делаться на том, что органы власти действительно выбираются, формируются и направляются *самими гражданами той или иной страны, реализующими свою свободную волю*, а не навязываются им за счет использования административного ресурса и политического давления (как внешнего, так и внутреннего). Запад будет признавать суверенность только того государ-

ства, органы власти которого сформированы и действуют на демократической основе.

Такое положение дел для России унижительно, а при каких-то поворотах событий, возможно, и опасно. Но в то же время оно соответствует потребности нашей страны в правовом развитии. Для нас самих право и правовая демократия являются жизненной необходимостью, у нас самих есть потребность в праве, причем уже вполне осознанная обществом, вскормленная долгим опытом бесправия и выросшим на его основе пониманием того, что свобода возможна только в правовых формах. Сейчас импульс движения российского общества к праву задавлен усталостью, разочарованием, чувством бессилия людей перед несправедливостью, а в итоге — перед неправовым по своей сути характером очень многих жизненно важных процессов — начиная от приватизации в сфере экономики и кончая созданием моделей разного рода управляемых и суверенных демократий в области социально-политических отношений.

Именно нереализованность этой потребности в праве делает постсоциалистические общества беззащитными перед разного рода политтехнологическими манипуляциями со стороны Запада. Но потребность в праве и правовой свободе и является именно объектом, а вовсе не результатом манипулирования, как это иногда пытаются представить. И чем острее та или иная неосуществленная жизненная потребность, тем уязвимей субъект этой потребности перед манипуляторами. Поэтому единственно возможным для нас выбор — это путь честного выстраивания такого правопорядка, который будет вписываться в принятые (в том числе и самой Россией) международно-правовые стандарты демократии.

В заключение хотелось бы отметить, что при разработке концепции российской демократии важно удержаться от соблазна простых решений сложных проблем, которые предлагаются с позиций авторитарно-силового подхода. Конечно, неприятно признавать, что в своем демократическо-правовом развитии Россия отстает от западных демократий. Гораздо легче заявить, что у нас свое самобытное право и своя особая суверенная демократия. Однако, говоря и действуя в этом направлении, мы, по сути дела, предопределяем такой цивилизационный выбор, который не вписывается в основной вектор движения человечества, в рамках которого «свобода индивида (ее мера, характер, содержание и т. п.) выступает в качестве главного критерия и основного итога достижений человеческой цивилизации на соответствующей ступени ее развития»³.

¹ Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину // Новая газета. 2006. 24–26 июля. С. 11.

² Сурков В. Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537).

³ Нерсесянц В. С. Право — математика свободы. М., 1996. С. 3.